

Война и судьба в поэзии Станислава Золотцева
(«Сыновняя поэма», 1991)

Поэт Станислав Золотцев называл своё поколение – «дети Победы». Его рождение приходится на послевоенное время - вторую половину сороковых годов XX века. Тогда возвратившиеся с войны отцы этого поколения принялись восстанавливать жизнь. И родная земля, измученная и истерзанная войной, покрытая руинами, начинала возрождаться. И позднее поэт в своих стихах создал этот образ родного Пскова, восставшего после войны - живописного, вечного:

«И над быстрой и мягкой водой
Возвышается шеломом былинным
Отчий берег, вольный город седой
В самоцветах бузины и рябины.
Это – мой нерукотворный венец,
С плотью, духом и судьбой нераздельный.
Древний край, где мать живёт и отец,
Для меня – не только место рожденья...»
(«Сыновняя поэма»)

Нелёгкий жизненный и страшный военный опыт *поколения отцов* Станислав Золотцев сохранил в своих стихах о войне.

«...Сотни раз моя река сливала с кровью
Светлоокою широкою струю.
И стоят над ней боры в одежде вдовьей,
И над ней перед зарёю я стою.
...Хлебом тронут, лихолетьем не отмечен,
Дым над крышами курится, тих и вечен,
С болью Родины сливая боль мою...»

Поэзия Станислава Золотцева на тему войны своеобразна прежде всего тем, что согрета любовью к отцу-воину и матери-беженке, состраданием к их судьбе, восхищением той неизбывной нравственной и духовной силой, которая помогала им переносить бесчисленные беды и испытания в годы военного лихолетья, а отцу помогала оставаться защитником и надеждой для всех, кого он с другими солдатами – воинами защищал и освобождал в этой, ставшей величайшей за всю историю, войне.

«...Ты мне – исток всего, что стало мной,
Творец Победы, мой творец – родитель...»

«Военная» поэзия Ст. Золотцева обрела свой особенный стиль. В своих сюжетах и образах - она не фактическая – не документальная. Это – словно воспоминания о войне, созданные и пережитые силой воображения поэта - за его отца, за его прадедов-псковичей, переживших войны далёких веков.

«...Мне и чудится порою,
Что далече, перед раннею зарёю
Вновь набатом оглашается река...»

Это - стремление в какой-то степени испытать то, что испытали наши отцы и деды, разделить непомерную тяжесть этих испытаний.

«Сын своего отца
И матери своей,
Сын рода своего и своего народа,
Я – как в живой огонь и как в живую воду –
Вхожу в тайник их счастья и скорбей...»

Всем детям отцов, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны, хорошо знакомо их многолетнее послевоенное молчание, их нежелание делиться фронтовыми воспоминаниями. Пережитое было таким громадным бедствием и таким тяжелым грузом в памяти, что уже не получалось такого диалога, как: «Скажи-ка дядя, ведь недаром...».

«...Только раз ты поведал – а мне всё же снится
и снится
этот гарью, и потом, и порохом дышащий сон:
ты встречаешь войну
на степной хлебозорной границе,
и в полынную ночь вдавлен танками ваш батальон...

...А в тебе отзывается
Болью свинцовой поныне,
Незабытою горечью первых военных дорог
Этот запах полыни – тобой обagrённой полыни,
Как щемящий укор и как самый тяжёлый урок...»

Для всего народа нашей страны, для всех послевоенных поколений Великая Отечественная война не превратилась и не должна превратиться в миф, легенду. Эта война началась как величайшая трагедия для наших людей и стала величайшим освобождением для всего мира. И люди должны помнить и эту трагедию, которая отозвалась на судьбах и жизни многих военных и послевоенных поколений, и эту сияющую, триумфальную, лучезарную Победу, которая на самом деле была ратным трудом, воодушевлённым, самоотверженным, вдохновлённым великой идеей освобождения и – возмездия.

«...Но урок – не позор, если он не проходит бесследно,
И тропа отступления в июньской полынной степи
Привела тебя к майской сирени *победной*...»

«...как живая вода – на смертельной беде настоялась
Эта лютая воля, сломившая чёрную рать.
И спасла нашу землю она – эта *ярость*.
И приказы стратегов скрепляла она как печать...»

Поэтический язык Ст. Золотцева в его стихах на военные мотивы является именно *не документальным, не бытовым*. Когда их читаешь или произносишь, невольно настраиваешься на песенную, балладную, одическую или гимническую интонацию.

Но разве это не риторика, и разве мало у нас в поэзии на большие темы официальной риторики, скажут придирчивые и поверхностные критики-хамелеоны?..

Станислав Золотцев - поэт, очевидно, как свою *миссию* воспринимал своё желание писать о подвиге отца и всего военного поколения. И воплотить эту тему он стремился трудом поэта. Он искал нужные слова и будто *выковывал* нужные *созвучия слов*. Он – как поэт – труженик ощущал себя наследником судьбы своего отца – труженика, учителя и

воина, и в напряжённом поиске находил особенную пронзительную интонацию и нужный ритм.

«...Когда слово «мужество» в мирную входит молву,
Я вижу одно – что увидеть не мог наяву,
Но кровью своей не забуду, покуда живу:
Я вижу отца в опалённой шинели солдата...»

Высокий стиль стихов Золотцева не становится формально-риторичным, потому что он вносит в них столько любви и сопереживания, что сила слова становится *истинной риторикой*, заставляющей слушателей и читателей стихов *цепенеть* под напором образа, мысли и чувства. Ещё один ярчайший пример этому – «биографическое» стихотворение-баллада «Давний снимок, предвоенный год...» о судьбе его молодых отца и матери.

«...И отец, глядящий в объектив,
Ничего не ведает о том,
Что его фугасный вгонит взрыв
С головою в южный чернозём,
И померкнет солнце...
И. как тот
Шолоховский горестный герой,
Он сквозь муки адавы пройдёт
С чистой честью – и вернётся в строй...»

В мире современной поэзии, куда поэт Станислав Золотцев ярко вошёл в начале 70-х годов XX века, поэт сразу заявил о себе как о приверженце высокого поэтического слова. Он не хотел своё стремление стать *мастером русского слова* разменять на поиски «нового» языка (скорее, на опыты его разрушения) в области *обыденной* жизни поэтического авангарда, андеграунда и поставангарда. Он отражал в *своих* стихах *своё* время и находил для этого – *свою* интонацию, где, на наш взгляд и, ещё более, - на слух, в сочетаниях и ритмах слов, фраз, строк и строф начинает звучать музыка - музыка стиха, торжественная и скорбная:

«...и пока не грянул смертный бой
И свинец ещё не впился в грудь
Отдохни, отец, перед судьбой,
Больше не придётся отдохнуть...»

Да, в каждом отражении момента *своего* времени у поэта возникает и попытка охватить его прошлое – будущее – вечность...

Его «Сыновняя поэма», многие страницы которой посвящены военной судьбе его родителей, начинается строками, звучащими, словно торжественные колокольные перезвоны.

«Колокол-голос, колокол-сердце, огненно-мощный музыкой плещет...» - а ведь эти слова рождаются в то время - конец 80-х годов XX века, - когда ещё *молчат колокола* на псковских звонницах и колокольных... Так, по воле поэта, в музыке победы, которую, как самый святой праздник, отмечают многие поколения на нашей земле маршами, артиллерийскими залпами и салютами, мы слышим торжественные и гулкие звуки колоколов. И голос Победы, как *голос истины* – какие мы? - становится ярче и звучнее.

Татьяна Лаптева, музыковед, член СК РФ